

ЖаксыбаеваБотакоз

к. филос.н., и.о.доцента

Университет «Narhoz» (Алматы)

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ТИПА ДУХОВНОСТИ КАЗАХОВ

Аннотация: Қоғамның даму контекстінде руханилық мәселелері мен олардың негізгі нысандары, бүгінгі қоғамның сұранысына жауап беру үшін өткір қойылып отыр. Тақырып аясында рухани құндылық ішкі және сыртқы негізгі бақылау және құрылымдық-функционалды байланыстар аясында қамтылған.

Ұлттық мәдениеттің адами негізді қалыптастыруына, оның өзіндік рухани дамуына негіз болатыны айқындалған. Қазақ халқының рухани өмірінде көшпелі өмір салты айрықша маңызға ие, ұлттық дүниетанымы, ерекшелігі, құндылықтары, тарихы мен салт-дәстүрі, сол көшпелі тұрмыс арқылы қалыптасқан. Зерттеудің негізгі мазмұны осындай маңызды құндылықтар арқылы қазақ халқының өзіне тән ұлттық рухани ерекшелігін тұтастай анықтау болып табылады. Мақала авторы ұлттық философияның, оның даналық негіздері, тарихи болмыс пен оның рухани өмірінен бастау алатынын негіз еткен. Сөзге тоқтау, сөз қадірін білу, қазақ ұлтының дүниетанымындағы ең маңызды басымдылық, бұл халық даналығы мен оның тарихи қайнарынан бастау алған қасиет. Қазақтардың мәдениетіндегі руханилық тұрпаты, ал оның айрықша ерекшелігі - көркем бейнелік бағыттылығы, туа бітті шалқымалығы, астарлығы, ашық диалогизмі мен терең философиялығы. Зерттеуде осы қағидалар мен қажеттіліктер нақты сарапталып, айқындалған.

Түйін сөздер: руханилық, бірлік, бірігу, синтездеу, өзіндік ерекшелік, белгілер, ұлттық сезім.

Аннотация. В контексте сдвигов общественного развития проблема духовности, форм духовности, отвечающим запросам общества, приобрели особую остроту. Духовность при этом выступает как система внешних и внутренних причинно-следственных и структурно-функциональных связей.

Национальная культура фактом своего существования выступает в роли «охранного механизма» защиты прав человека на самобытное воплощение духовности. Образ жизни, обусловленный спецификой кочевого хозяйствования, выстроенная на его основе система ценностей и соответствующее миропонимание наложили отпечаток на своеобразие и особенности духовности казахов. Основное содержание исследования заключается раскрытию целостной картины специфических черт духовности

казахского народа. Автор статьи отмечает, что казахская философская мысль является самой содержательной частью самосознания народа, его духовности, их типологическим основанием. Преклонение казахов перед мудростью слова, мудростью мысли, действия и жизни свидетельствуют о глубокой философской наполненности ментального поля национальной культуры.

Ключевые слова: духовность, единство, слияние, синтез, свойства, признаки, национальное чувство.

Abstract: In the context of shifts of social development the problem of spirituality and forms of spirituality which answer inquiries of society has gained a special sharpness. Spirituality at the same time acts as a system of external and internal cause and effect and structurally functional relations.

The national culture acts as "the security mechanism" of protection of human rights on the original embodiment of spirituality. The way of life caused by specifics of nomadic managing, the system of values built on this basis and the corresponding outlook have left a mark on an originality and features of spirituality of Kazakhs. The main content of research consists in disclosure of a complete picture of peculiar features of spirituality of the Kazakh people. The author of article notes that the Kazakh philosophical thought is the most substantial part and typological basis of consciousness of the people, his spirituality. The worship of Kazakhs for wisdom of the word, wisdom of thought, action and life testifies to deep philosophical fullness of the mental field of national culture.

Keywords: spirituality, unity, confluence, synthesis, properties, signs, national sense.

Современный мир вступивший в период глобального кризиса культуры, вновь переносит акцент на вопросы духовности. Глобализация всех сфер и областей жизнедеятельности стала одной из основных обстоятельств развития современного мира.

В работе Главы государства Н.А.Назарбаева «В потоке истории» [1999], особо выделяется положение о том, что сама архитектура пространственного бытия кочевников определила духовную целостность всего казахского народа. Для сохранения последней на протяжении веков был отработан особый механизм ее зацементирования, нашедший выражение в «жетіата» - принципе «семи колен, семи предков» как своего рода этноколлективной памяти казахского народа.

На локальном уровне реализация этого принципа оформляет метапространство «Личного Я» - «Ел». Индивидуальное Я в границах «Ел» как коммуникативной структуры мира «родных» функционирует в качестве интегрирующего центра, снимающего в своем духовном опыте ценностные срезы культуры прошлого и настоящего. С позиции автора, внешней пространственной формой такой личности, «ментальной скульптуркой» ее

внутреннего мира является «Ел» как метапространство культуры этноса. В первом приближении «Ел» в переводе означает «родная земля», «родной народ», то есть то место, где «душа касается родного, того, что всегда ее затрагивает. Соприкасаемое души, - пишет В.Мерлин, - не мир, а духовное «тело» нации [2006, с.6-7], «зона понимания людей», говорящих по-казахски. Это то, что принято называть отчужденным сейчас для многих словом Родина. Из этого пространства нельзя «выпасть», поскольку Родина касается человека всегда, являясь одновременно и «телом» его духовности. Пространственно-временная исключенность из территориальной связки «родная земля, родной народ, родные истоки» лишает человека полноты жизни. В наше время, когда все прежние связи разорваны, утрачена сакральная исключительность собственной традиции, религии, культуры, мы испытываем неосознанную тягу к «безмерности далекого», способного вернуть ей личную территорию. Но «Ел» – это не интровертированный мир, а пространство, обуславливающее наше существование и выражающее энергию, к которой человек устремляется вовеки посредством своего «тела культуры» как системы ценностных ориентаций.

Современный Ренессанс казахской культуры, менталитета, сознания – явление яркое в постиндустриальном мире. Предки – кочевники еще в далекой древности оставили свой след в Передней и Средней Азии, Месопотамии, Египте, Греции, Алжире, принимая иную культуру и одновременно распространяя свою. История вновь повторяется. Теперь уже независимый Казахстан, его современная культура становятся предметом пристального внимания в динамично развивающемся мире нынешнего века, что свидетельствует о высокой духовной и нравственной культуре потомков прототюрков.

В первую очередь на человека, культуру, религию и другие стороны жизни индивида оказывают влияние условия природной среды обитания. Что касается особенностей формирования этнической культуры казахов, то это влияние проявилось во всей его многогранности. Степь, степное окружение с их уникальной ритмикой способствовали возникновению наиболее благоприятного в этих условиях типа хозяйствования – кочевничества. Кочевой режим хозяйствования является в данном климатическом регионе наиболее приемлемым, единственно возможным и экологически оправданным.

Древний и самобытный мир кочевья, имеющий более чем трехтысячелетнюю историю, до недавнего времени сохранял покров тайны, что в значительной мере затрудняло вычленение проблемы и прослеживания путей ее становления в истории казахской философской культуры.

Благодаря этнографическим и историческим исследованиям ученых, мир кочевья был представлен во всем его богатстве, глубокой мудрости и интеллектуальной ценности. Значительное место в этом процессе занимают работы отечественных ученых по проблемам казахской культуры и истории и

других исследователей. Они вводят в мир неповторимой, уникальной культуры национального типа.

Таким образом, родословная национальной культуры во многом определяется средой обитания народа. Без учета последней вряд ли есть смысл ставить вопрос о формировании основ культурной базы этноса.

Национальная культура как комплекс устоявшихся в истории и памяти народа способов и навыков обработки имеющихся в его распоряжении ресурсов является своеобразной средой «выживания» народа, его самосохранения. Упорядоченный опыт, знания, способы выживания, начало которым было положено в культуре протоказахов, со временем становятся несущей конструкцией традиции как «свернутой», предельно информационно насыщенной истории народа. В данном отношении культура этноса выступает не только как своеобразный каркас нации, но и как средство ее бытия. Распредмечивание контекстуальных основ традиции позволяет нации развиваться. Культура народа как особое чувство, стиль жизни, способствует самосохранению этноса, предохраняет от ассимиляции в иных формах ее бытия, задает параметры особого типа духовности, мироотношения, неповторимости субъекта, являющегося составной частью своеобразия национального типа ценностей.

Таким образом, национальная культура фактом своего существования выступает в роли «охранного механизма» защиты права человека на самобытное воплощение своей духовности. Образ жизни, обусловленный спецификой кочевого хозяйствования, выстроенная на его основе система ценностей и соответствующее миропонимание наложили отпечаток на своеобразии личностного самоопределения субъекта как носителя традиций тюркской культуры. Основными чертами традиционного мировоззрения протоказахов стали космичность, целостность, единство человека и мира. Это мировоззрение не конкретного индивида, а мировоззрение человека, в границах которого он «ощущает себя неотрывной частью коллектива...»

Мир Вселенной как природный микрокосм в кочевой культуре не структуризован, целостен. Являясь со-автором жизни для кочевника, он определял облик его культурных установок, сознания и подсознания. Поэтому восточные культуры как результат диалогического взаимодействия «целостного Я» с Макрокосмом «требуют не познания их, но жизни в них; а происходит это потому, что культуры древнего Востока построены на одной из форм реализации человеком целостности непосредственного бытия. Отсюда то специфическое единство человека с миром, то принудительное невыделение человеком себя из мира, отсутствие «объективного» знания и действия» [Косиченко 1998].

Культура в традиционном социуме кочевников выступала в роли защитной системы после природы (Космоса). Отсутствие рынка, рыночных отношений в значительной мере снизило потребность казахского кочевого общества в теоретическо-понятийном мировоззрении. Поэтому предфилософия кочевников существовала на уровне обыденного сознания,

развивалась в противовес прагматическим установкам духовности. Это обстоятельство, наряду с прочим, явилось одной из причин появления в среде кочевых сообществ целой плеяды шешенов (провидцев и духовных наставников), биев, поэтов, жырыши. Развивалось активно народное творчество [Кшибеков2005].

Ряд исследователей номадной культуры отмечают, что мировоззрение кочевников уложено в границах двух измерений –пути и стоянки [Сулейменов2004, сс.204–207]. Путь как постоянное перемещение в пространстве в поисках пастбищ для скота является атрибутивным признаком кочевой цивилизации. По своим сущностным характеристикам как имеющим чисто философские содержания номадный путь олицетворяет динамический опыт бытия человека в мире, для которого характерна качественная разнородность. Путь исключает стабильность, неизменность опыта существования. Очень точно сумел выразить его сущность постструктуралист Ж.Делез, выделив несовместимость «здесь-и-теперь» с прошлым и будущим. Путь как мировоззренческое ядро оказывает влияние на формирование и развитие мышления, превращая его в процедурное, требующее не «охвата», а постепенного продвижения шаг за шагом, где шаги связаны как звенья единой цепи [Сулейменов 2004, сс.132]. Номадный путь как способ жизнеориентации требует обширного круга знаний, способствуя тем самым «универсализации» человека. «Путешественник, - пишет И.Карсавин, - выступает как практический энциклопедист, обладающий многообразными знаниями и умениями и способный их применять в новых для него ситуациях... способный не только выжить во враждебной среде, но и достичь взаимопонимания в новых для него ситуациях» [1999, сс.74-84].

Для каждого общества, каждой цивилизации существуют свои общезначимые ценности, задающие содержание бытию индивида. Ценностные измерения личности актуализированы в мировоззрении конкретного социума.

Нравственную сторону мироотношения кочевников составляют такие его характерологические особенности, как открытость миру, открытость диалогу и взаимосогласию, что одновременно определяет функциональное содержание феномена свободы как полюса бытия личности. Поданная в обозначенном контексте свобода, начиная с древней кочевой среды и до настоящего времени, остается главным условием самостановления человека. Становлению данного качества индивида в определенной мере способствовала и традиция тесных контактов предков современных казахов с многими странами: Китаем, Византией, Ираном, Египтом. Свободное, динамически насыщенное, следующее импульсивным вызовам разума перемещение номада в инокультурных пространствах, предопределило смысловую предначертанность пути. Содержание последней весьма оригинально передал ЛаоЦзы, утверждая, что человек пришел в этот мир, чтобы пройти его самому и в одиночку. Удаление от повседневности, преодоление привязанности вкупе с одновременным движением «к себе

навстречу» в целях обретения своей «экзистенции» составляет смыслообразующую линию пути кочевника.

Стоянка как взаимодополняющая путь единица мировоззрения кочевников обеспечивала возможность его осуществления, выступая в качестве момента переструктурирования пространства. Разомкнутость пространства существования номадов гарантировала безграничность осуществления пути [Сулейменов 2004, сс.206], как абсолютной локальности (абсолютного присутствия). Таким образом, особенностью номадической культуры является извечное движение человека в пространстве и его включенность в строго организованный и упорядоченный мир. Эта специфическая черта обустройства социума кочевников предопределила формирование достаточно сложной организационной структуры, отличительной чертой которой выступает целостная релятивность (целостна внешне; подвижна, пластична «изнутри»). Таким образом, особенностью номадической культуры является извечное движение человека в пространстве и его включенность в строго организованный и упорядоченный мир. При этом каждый элемент пространства обладает своей семантикой и социокодом; и самопознание мира осуществляется в постоянном движении, представляя собой череду переходов [Аязбекова 1999].

Стержнем национальной культуры, ее сущностной определяющей является духовность. Она есть то интегральное качество, которое относится к сфере смысложизненных ценностей, определяющих содержание, качество и направленность человеческого бытия, человеческий образ в каждом индивиде [Буева 1996, сс.4-8]. Культура народа есть та форма, в которой духовность заявляет о себе миру. Как философская категория она носит всеобъемлющий характер, однако содержание духовных процессов отличается конкретно-исторической наполненностью, то есть имеет вполне определенные исторические формы. В различных типах духовности отражаются образ жизни и ценностные ориентации культурно-исторических эпох. Под историческими формами духовности мы понимаем совокупность сведений о мире, нравственные нормы, социальные приоритеты и ценности, что в итоге определяет «дух времени» конкретной эпохи. Духовность как социально-философская проблема является одновременно неотъемлемым компонентом, основой личности, ее мировосприятия, основным жизнеутверждающим принципом выживания нации и ее процветания. В духовности проявляется открытость человека другим и миру, ответственность за них, полное доверие им, постоянной заботы о них. Обозначенные проявления духовности свидетельствуют о том, что «человек может быть духовным, если он целостный» [Кутырев 1998, сс.3-15]. Целостность достигается, по образному выражению Шакарима, лишь «собственным разумом», единением разума и сердца (души), возвращающих человека в лоно духовно-нравственных ценностей в собственном бытии.

Система духовной культуры казахов начиналась с древних элементов философской мысли. Духовность человека-скотовода была развита в области

понятий о смысле жизни, о быстротечности ее, о мире нравственного, эстетического. Чаще всего она выступала как внешнее, обогащенное проявление внутреннего душевного мира человека. «Идеи свободомыслия, освобождения, ненасилия, проблемы нравственности, диалогизма, толерантности, глубина практически действенной философичности самих оснований духовной культуры» вылились в целостную систему духовности» [Касабеков2005], суть которой сродни модели «мозаичной» культуры Делеза, Гваттари и других постмодернистов современности.

Становление полифонизма духовности номадов, как отмечалось ранее, тесно связано не только с особенностями социумной организации сообщества кочевников, но и с непосредственным влиянием огромных пространств степей. Именно последнее обстоятельство сыграло немаловажную роль в формировании специфичной содержательности казахского духа, проявлениями которого стали духовная свобода, внутренне осязаемая безграничность личностных пределов бытия, «признание вечного нравственного миропорядка» [Касабеков2005]. В степной цивилизации ее духовный аспект играет более важную роль, чем на Западе. Его значение более весомо.

Основой самостоятельного духовного развития становится нравственность. Нравственная сторона ментальной культуры казахов своей содержательностью поражала любого, соприкоснувшегося с ней. Альфред Брем [1896], путешествовавший по казахским степям во второй половине XIX века писал: «сознание своей силы, ловкости своего поэтического дара и восприимчивого ума, чувства самостоятельности придает киргизу (казаху) уверенную, полную достоинства осанку...добродушный, уступчивый, ...вежливый и предупредительный, гостеприимный и великодушный, он является великолепным в своем роде человеком».

Анализируя специфические черты духовности в культуре номадов, исследователи в первую очередь отмечали живой и восприимчивый ум ее носителей, силу воли, умение быстро ориентироваться в меняющейся обстановке, вполне объяснимые в контексте динамически «насыщенного» номадного пути. Ценностное начало оказывается несущим в понимании специфики духовных ориентиров номада. Система духовного производства в казахском обществе всегда была более значимой, чем преходящие факторы материального производства. Поэтому именно духовная культура этноса исполняла роль хранителя и транслятора исторической памяти, позволяла постоянно воспроизводить исторический опыт.

В контексте обозначенного рассматривается постановка вопроса о специфических особенностях национального типа духовности казахов, основы которого были заложены еще в рамках кочевой культуры предков. Определяющее место в них отводился такой форме духовной ориентации, как открытость миру, открытость диалогу и взаимосогласию, тесно смыкающимися друг с другом. Диалогизм изначально присущ казахской культуре. Диалог предполагает понимание и принятие видения моего мира

другим человеком, в равной мере и его мира мною. Диалог – фактор изменения внутреннего мира, расширения пределов познания мира при сохранении самобытности и собственного взгляда на него. Глубинный источник склонности казахов к диалогу – в кочевье как ведущем способе хозяйствования, разворачивании «свободного отношения» к конкретным культурным формам бытия. Духовная традиция кочевников, открытая вовне, позволяла за различием национальных форм видеть их разнообразие, но не противостояние. Диалог не возможен, когда «все – как один». Для того, чтобы удержать диалог, необходима цивилизация. В современном философском дискурсе под цивилизацией понимается социокультурная общность, формируемая на основе универсальных ценностей. Весьма простое и в то же время точное ее определение приводят А.Наурызбаева, А.Скалон[1993,с.с.7], где цивилизация преподносится как «навык соблюдения приличий» в диалоге. Данное определение весьма метко высвечивает сущность диалогизма как феномена казахской традиционной культуры. Подлинная цивилизованность как раз и должна проявляться в способности сохранить и создать форму «культурного» диалога.

Коллективизм кочевой цивилизации, приверженность интересам рода в казахском кочевом обществе составляли идентификационную основу казаха. Однако при этом не возникало той замкнутости, которая обычно определяется при такой системе отношений. Объяснение этому феномену следует искать в культуре и сознании кочевника, универсальном и пластичном в своей основе отношении к миру, определившем специфику духовности как глубинного общения (іштесу).Іштесу как форма диалогового отношения захватывает, считает К.Нурланова, внутренние, порой невыразимые вовне, но от этого не менее значимые уровни эмоционально-интеллектуального мира общающихся субъектов. «Устремленность навстречу самоценному духовному опыту друг друга, наполняющем глубоким смысложизненным содержанием обыденные бытие человека, у казахов была развита до уровня культа» [1994].

Духовность как форма глубинного общения (іштесу) являет собой своеобразный ментальный сплав традиций, верований, убеждений, социальных позиций, ставших достоянием творческой интуиции. В культуре предков казахов она была аналогом бессознательного духовного начала личности. Нравственная сторона ментальной природы казахов кроется в понимании друг друга с полуслова, в бережном отношении к духовному миру другого человека. Значимость намеков, тончайшая гибкость суфистического витиеватого смысла, пластичная мудрость – в этом суть менталитета казахов, отличающая их от других народов[Кшибеков2005].

Диалогизм как черта национального типа духовности задает своеобразие и такой особенности национального типа духовности, как целостности, которую определяют как синкретическую. В синкретическом единстве части не только не выделены из целого, но полностью растворены в этом целом.

Отличительной чертой национального типа духовности также является риторичность духовной традиции, выражающая философское содержание жизни кочевников, ее внутреннюю «исполнительность». Эта черта выявлена в Слове как культурном национальном ядре народа. Мудрая мысль шежіре, вложенная в Слово, представляла собой глубокую «игру-работу» по созданию и фиксации нравственного текста жизни. Изобретение его – есть «внутренняя интеллектуальная игра», предлагающая широкий простор для «практической» логики мышления. В ней нет узких рамок для ответа. Он всегда присутствует в Слове в качестве совещательного результата диалогизирующих субъектов. Риторически организованный национальный тип духовности исходит из того, что «несущий» Слово должен быть воспитан, должен в совершенстве владеть навыками речевого поведения, связанного не столько с уровнем нормы, сколько с уровнем действия, действия сознательного, внутренне осмысленного, эмоционально-эстетически пережитого.

Субъект Слова в контексте традиционно казахской духовности внутренне моделирует возможные «внешние» ситуации общения, свободно играя формой речевой коммуникации, добиваясь максимального эффекта содержания этого общения. Но Слово в казахской традиции – это не только игра, но и ритуал, жизненно напряженный ритуальный сценарий и в определенной степени воспитательный прием, с помощью которого мудрец ориентирует собеседника на осознание норм поведения в данном социуме. Таким образом, в Слове выражена ответственно-нравственная философия жизни народа. В нем смысловое единство мира и социума как его части возводится до степени «событийной единственности» правды жизни – правды наших взаимоотношений, выраженной в традиции этноса.

В качестве типологических черт национальной духовности следует выделить образность и поэтическую направленность мышления и культуры народа. Реальное познание мира природы, социума дополняется его образно-художественными аналогами, в которых требования гармонии с миром инакового становится актуальной жизненной практикой. Традиции народа, эмоционально и образно окрашенные субъективным опытом, коррелирующиеся с реальными условиями жизни, стали отличительными символами нации.

Художественно-образная составляющая национальной культуры казахов занимает в ней центральное место, одновременно являясь и специфическим ее ядром, и важнейшим источником своеобразия нации в ее реальной идентичности. Образность как черта национальной духовности создает чувство живой личной причастности к духовным идеалам народа. Свобода, с какой любое явление жизни подвергается аллегорическому толкованию в духе национальной этики, поражает любого, кто впервые (и не только впервые) сталкивается с ней. «Поэтичность... степных кочевников, - пишет Ч.Валиханов, - быстрота мышления, фантазии – результат ...постоянного пребывания под чистым небом, в объятиях безграничной

степи» [1984]. Она является специфической формой передачи, отражения сложной гармонии Вселенной. Для речевого поведения и образа жизни казахов, в которых проецируется духовность этноса, характерной чертой является иносказательность. Она «всегда была естественной формой выражения символизма, так как если видимое было проявлением невидимого, то сказанное должно быть выражением насказанного» [Мухамбетова 1993, сс.21]. Двойной смысл иносказательного сообщения восходит к древним законам табуирования. Ислам, особенно его интеллектуальное в последующем крыло – суфизм, довел иносказательность до виртуозности, содействовал массовому распространению способности символической трактовки любых текстов у казахов. «О явлении не говорится прямо, его надо угадать сквозь плетения намеков и метафорических описаний». И в такой системе общения музыка стала идеальным носителем неформулированного смысла [Юлдашходжаев 1997, сс.21]. Таким образом, поэтичность, иносказательность, образность как особенности национальной духовности, нашли выражение не только в многообразных формах творчества казахов, но также стали этической нормой повседневной жизни, формой проявления национального чувства. Последнее «не есть простая сумма или итог механического сложения «натуральных» проявлений национальных чувств индивидов. Оно представляет из себя единство, слияние, синтез наиболее типичных, существенных, определяющих сторон, свойств, признаков индивидуально-национальных чувств» лежащих в основании национального типа духовности.

Дошедшие до настоящего времени памятники религиозно-мифологической, теологической, эстетической, мистико-философской, социально-философской мысли свидетельствуют об универсализме духовности казахского народа, обусловившем специфику его философского мировосприятия. В определенной мере есть все основания говорить о философской содержательности духовной культуры этноса как ее типологической характеристике. Это в немалой степени связано с тем, что духовный мир казахов вобрал в себя многие культурные влияния, переведя их в русло исконно тюркских традиций. Универсализм духовной культуры казаховначинает определяться уже с древних элементов философской мысли. Поэтому она глубоко пронизана элементами личностного миропонимания на протяжении всей своей истории. Сказители, певцы, жырау, батыры, сери, шешены в силу предрасположенности своего ума, пытаясь раскрыть «тайну» внутреннего мира человека, человеческих взаимоотношений, внесли особый вклад в дальнейшее развитие философской традиции.

Специфические особенности национального типа духовности, определяются следующей совокупностью черт: 1) диалогизм как открытость миру и взаимосогласию; 2) целостность как полифункциональный синтез составляющих духовность компонентов; 3) риторичность, выражающая в

преклонении перед Словом как глубокой «игре-работе» по созданию и фиксации нравственного текста жизни; 4) поэтичность, художественная образность, переводящие внутренний опыт человека выявленный в образе, осязаемый действительный мир; 5) универсализм духовности казахского народа, обусловивший специфику его философского мировосприятия; 6) глубокая философская наполненность метального поля этноса, выражающаяся в преклонении перед мудростью слова, мысли, действия и жизни.

Выделенные типологические особенности духовности позволяют утверждать, что национальное не терпит унификации. Всякая личность говорит языком и образами своей среды и эпохи, но есть тем не менее в ней «нечто», что поднимает ее над временем и пространством вообще. Этим «нечто» является развитая способность выходить без принуждения за пределы собственной культуры в пространство универсальных ценностей, не ломая собственной природы, органической целостности и самобытности.

Специфику казахской культуры предопределяет факт принадлежности Казахстана к культуре традиционных обществ, ведущей ценностной установкой которого является приоритет групп относительно индивида. Рассеиваясь по поверхности инаковых культур, казахская культура определила собственный способ расширения пространства его ментального поля – создания пространства без границ. Субъект культуры кочевников – это вектор «детерриторизации». Он не только прибавляет, не только удваивает пространство собственной культуры, а множит ее, «превращая в пространство индивидуальных событий контакта, динамическое пространство, не сводимое к траектории одной точки и избегающее структурирования» [Юлдашходжаев 1997, сс.292-296].

Казахская традиционная культура всегда создавалась как культура разрешения противоречия между Востоком и Западом. Внося огромный вклад в сохранение мира и укрепление безопасности на планете, казахстанское государство стало островком стабильности и согласия в Центральной Азии. Почитая историю своих предков, возрождая и укрепляя ценности и идеалы предшествующих поколений, мы уверенно идем вперед, черпая силу в свобододлюбивом духе казахского народа, закаленного веками борьбы за независимость.

Библиография

- Аязбекова, С.1999. 'Картина мира этноса: Коркут-ата и философия музыки казахов'. "Баспа-АС" Астана, 285 с.
- Буева, Л.'Духовность и проблемы нравственной культуры'.*Вопросы философии*.1996, №2, сс. 4–8.
- Валиханов, Ч. Собр. Соч. в 5 томах. – Алма-Ата,Т.1.,431 с.
- Косиченко, А. 1998. 'Наука и ее методология в культурном контексте'*Методология науки в контексте взаимодействия западных и восточных культур*. Алматы, 164 с.
- Карсавин, И.1999. 'Человек мигрирующий: онтология пути и местности'.*Вопросы философии*. №7, сс.74–84.
- Кшибеков, Д. 2005. 'Ментальная природа казаха'. Алматы, Гылым, 256 с.
- Кутырев, В. 1998. 'Любовь и мудрость на пороге XX века'.*Вестн. Москв. унив-та*. №3 (55), сс.3–15.
- Касабеков, А. 2005. 'Личностный характер философского познания'. Астана,150с.
- Мерлин, В. 2006. 'Эпителий Родины или Тактильный объект идеологии'. *Тамыр*. Вып.1 (17), сс.6–7.
- Мухамбетова, А. 1993. 'Казахский кюй – философия на двух струнах'.*Шахар*. №1,сс. 21.
- Назарбаев, Н. 1999. 'В потоке истории'. Алматы, Атамұра, 296 с.
- Наурызбаева, А. Скалон А. 1993. 'Возможности диалога'.*Шахар*, №1, сс. 7.
- Нурланова, К. 1994. 'Человек и мир: казахская национальная идея'. Алматы, Каржы-Каражат сс.48.
- Сулейменов, Т.2004. 'Онтология номадного пути'.*Высшая школа Казахстана*.№1,сс. 204–207.
- Юлдашходжаев, Б. 1997. 'Номадическое пространство'. *Евразийское сообщество: экономика, политика, безопасность*. №4, сс.292-296.

References

- Ayazbekova, S. 1999. 'Kartina mira etnosa: Korkut-ata i filosofiya muzyki kazakhov'. "Baspa-AS" Astana, 285 s.
- Bueva, L. 'Dukhovnost' i problemy npravstvennoy kul'tury'. *Voprosy filosofii*. 1996, №2, ss. 4–8.
- Valikhanov, Ch. Sobr. Soch. v 5 tomakh. – Alma-Ata, T.1., 431 s.
- Kosichenko, A. 1998. 'Nauka i ee metodologiya v kul'turnom kontekste' *Metodologiya nauki v kontekste vzaimodeystviya zapadnykh i vostochnykh kul'tur*. Almaty: Akyl kitaby, 164 s.
- Karsavin, I. 1999. 'Chelovek migriruyushchiy: ontologiya puti i mestnosti'. *Voprosy filosofii*. №7, ss.74–84.
- Kshibekov, D. 2005. 'Mental'naya priroda kazakha'. Almaty: Gylym, 256 s.

Kutyrev, V. 1998. 'Lyubov' i mudrost' na poroge KhKh veka'. *Vestn. Moskv. univ-ta*. №3 (55), ss.3–15.

Kasabekov, A. 2005. 'Lichnostnyy kharakter filosofskogo poznaniya'. Astana, 150s.

Merlin, V. 2006. 'Epiteliy Rodiny ili Taktil'nyy ob"ekt ideologii'. *Tamyr*. Vyp.1 (17), ss.6–7.

Mukhambetova, A. 1993. 'Kazakhskiy kyuy – filosofiya na dvukh strunakh'. *Shakhar*. №1, ss. 21.

Nazarbaev, N. 1999. 'V potoke istorii'. Almaty, Atamura, 296 s.

Nauryzbaeva, A. Skalon A. 1993. 'Vozmozhnosti dialoga'. *Shakhar*, №1, ss. 7.

Nurlanova, K. 1994. 'Chelovek i mir: kazakhskaya natsional'naya ideya'. Almaty, Karzhy-Karazhat ss.48.

Suleymenov, T. 2004. 'Ontologiya nomadnogo puti'. *Vysshaya shkola Kazakhstana*. №1, ss. 204–207.

Yuldashkhodzhaev, B. 1997. 'Nomadicheskoe prostranstvo'. *EvrAziyskoe soobshchestvo: ekonomika, politika, bezopasnost*. №4, ss.292-296.